

«МЕМОРАНДУМ КЮНА» ОБ ОБРАЗОВАНИИ КАК ВАЖНЕЙШЕМ СРЕДСТВЕ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ И ИХ СЕМЕЙ В НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

Анализируется официальный документ 1979 г., подготовленный Хайнцем Кюном, в ноябре 1978 г. ставшим первым комиссаром только что созданного в ФРГ Федерального ведомства по делам иностранцев. Дается детальный анализ пунктов этого доклада под названием «Статус и дальнейшее развитие интеграции иностранных рабочих и их семей в Федеративной Республике Германия», касающихся области образования. Рассматриваются кюновское видение проблем в сфере образования, препятствующих интеграции иммигрантов, а также предложения по улучшению образовательного процесса с целью достижения успешной интеграции детей иммигрантов.

Ключевые слова: «Меморандум Кюна»; иммиграция; Германия; турки; образование; интеграция.

1950-е – начало 1970-х гг. стали периодом массовой трудовой иммиграции в ФРГ. Но после того, как в 1973 г. разразился первый послевоенный кризис рыночной экономики, правительство ФРГ попыталось ограничить иммиграцию из стран, не являвшихся членами Европейского экономического сообщества, резко ужесточив в том же 1973 г. требования к приёму иностранных рабочих [1. С. 47]. Это обстоятельство, однако, не остановило рост численности иммигрантов в стране, поскольку поднялась волна нелегальной иммиграции, и, кроме того, в русле политики соблюдения прав личности власти ФРГ предоставили в 1975 г. остававшимся в Германии иммигрантам право на воссоединение со своими семьями.

В 1968 г. число иностранцев, проживавших на территории ФРГ, составляло около 2 млн человек, или 3,2% от численности населения страны. К 1978 г. оно выросло до 4 млн человек, т.е. до 6,5% от общего числа населения [2. С. 61]. Почти половину иностранцев составляли турки, «наплыву» которых способствовало заключённое в 1961 г. между Западной Германией и Турцией Соглашение о регулировании передачи турецких рабочих. Летом 1960 г. число турецких рабочих составляло в ФРГ всего около 2,5 тыс. человек [3. С. 39], в 1969 г. в Германии проживало уже 322 400 турецких граждан [4. Р. 111], а к 1977 г. численность турецкой диаспоры выросла до 1 165 788 человек – в основном за счёт переезда в Европу жён и детей мигрантов [5. Р. 113]. При этом значительная часть иммигрантов, проживая компактно, редко общалась с местным населением, обучала своих детей в специальных «национальных классах», «школах Корана» и других подобных учебных заведениях, часто вообще не знала немецкого языка. И в то же время, согласно одному из исследований, проведённых в среде иммигрантов, о своем нежелании возвращаться домой заявило 42% респондентов [2. С. 9].

Одним из тех, кто первым осознал необходимость интеграции части иностранцев, без которых страна с очень низкими темпами прироста коренного населения уже практически не могла обойтись, оказался член СДПГ Хайнц Кюн (1912–1992), занимавший в 1966–1978 гг. пост премьер-министра федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, он в ноябре 1978 г. возглавил только что созданное Федеральное ведомство по делам иностранцев и в сентябре 1979 г. обна-

родовал свой почти что семидесятистраничный доклад «Статус и дальнейшее развитие интеграции иностранных рабочих и их семей в Федеративной Республике Германия», более известный как «Меморандум Кюна» [2].

Хайнц Кюн исходил из того, что массовая иммиграция – это неизбежный для Германии процесс. В то же время он обращал внимание на негативные последствия массового наплыва иммигрантов, предлагая ряд конкретных мер для его ослабления и предотвращения в будущем.

В самом начале своего доклада Кюн указывал на следующие приоритеты, на которых, по его мнению, «следует сосредоточиться, чтобы провести последовательную политику по интеграции иностранцев в немецкое общество: 1) признать де-факто иммиграцию (с пресечением дальнейшего найма иностранных рабочих); <...> 5) признать право на натурализацию за теми иностранцами, кто родился и вырос в ФРГ; 6) пересмотреть иммиграционное законодательство и процесс натурализации с целью выявления правовой определенности и учета законных интересов иностранных рабочих и их семей; 7) закрепить политические права за иностранцами, предоставив им после длительного пребывания на территории ФРГ право голоса на региональных выборах». Но главное, считал Кюн, необходимо: «2) провести значительную интенсификацию интеграционных мероприятий, особенно для несовершеннолетних, в области дошкольного, школьного и профессионального образования; 3) прекратить все меры сегрегационного характера в области образования – такие, как “национальный класс” и подобные ему другие формы обучения; 4) признать право за иностранной молодежью на беспрепятственный доступ к рабочим местам и местам в образовательных учреждениях» [Ibid. С. 3–4].

Первый комиссар Федерального ведомства по делам иностранцев не сомневался, что важнейшим этапом на пути к интеграции иностранцев является образование. Поэтому-то в центр своего меморандума он поставил проблему доступности для иммигрантов именно образования. Кюн полагал, что интеграционные процессы нужно начинать уже с дошкольного возраста, поскольку «в дошкольной области существуют большие шансы совместить интеграционные цели с семейным воспитанием». Это «особенно важно

для иностранных семей потому, что... они без соответствующей помощи вряд ли смогут подготовить своих детей к жизни в ФРГ, которая так отличается от жизни на их родине» [2. S. 18]. Однако число «детей иммигрантов в детских садах очень мало. Из 260 тыс. детей иммигрантов возраста от 3 до 6 лет более 180 тыс. воспитываются исключительно в семье». Причём «это число превышает 100 тыс. из 130 тыс. турецких детей данного возраста». Еще хуже ситуация с посещаемостью яслей и групп продленного дня, где доля детей иностранцев ничтожна мала [Ibid. S. 18].

Помимо нехватки мест в образовательных учреждениях, не сомневался Кюн, причинами повсеместной «неявки» в них детей иностранцев были: субъективное нежелание родителей, а также трудности в работе самих учреждений, возникавшие при приеме детей иностранцев, требовавших специфической предварительной подготовки. (Не трудно догадаться, добавили бы мы, что нежелание части родителей-иностранцев отдавать своих чад в дошкольные учреждения ФРГ могло быть связано и с той пищей, которая предлагалась обучающимся, но которая противоречила мусульманским традициям.) Отсюда «надлежащие меры должны... особенно интенсивно проводиться среди родителей, а также в структуре соответствующих учреждений» [Ibid. S. 19].

Для решения возникшей проблемы с посещаемостью дошкольных учреждений детьми иммигрантов предлагалось прежде всего усилить разъяснительную и консультационную работу с родителями, уделяя особое внимание их опасениям, что дети, посещающие детсад, будут отчуждены от семьи и своей культуры. Одновременно с разъяснением ценностей и целей дошкольного воспитания родителей-иностранцев нужно вовлекать в работу образовательного учреждения, что будет способствовать появлению у матерей из числа иностранок соответствующей мотивации. Кюн полагал, что устранение каких-либо религиозных препятствий при помощи «нейтрально мировоззренческих бесед или квалифицированного обсуждения» их родной религии прежде всего с родителями-мусульманами также будет способствовать возникновению у родителей-нехристиан желания отдавать своих детей в дошкольные учреждения Германии. Немаловажными, по мнению Хайнца Кюна, являлись подбор для работы с мультинациональными детскими группами квалифицированного персонала, а также разработка для него соответствующего дидактического материала [Ibid. S. 19–20]. Совместное воспитание иностранных и немецких детей будет способствовать развитию языковых навыков, что, в свою очередь, в будущем поможет детям иммигрантов интегрироваться в немецкое общество [Ibid. S. 20].

Для достижения этой цели Кюн даже предлагал привлечь для работы в немецких дошкольных учреждениях на короткий срок сотрудников из числа иностранцев. Это, с его точки зрения, в первую очередь способствовало бы «раскрепощению» семей иммигрантов, особенно турецких. Кроме того, сотрудники-иностранцы в состоянии разобраться с языковыми трудностями и семейными традициями детей. Да и

для немецких детей с точки зрения целей совместного интеграционного воспитания контакт с воспитателями-иностранцами был бы очень полезен [2. S. 21].

В связи с наплывом иммигрантов для их детей в ФРГ стали открываться нулевые классы и школьные детсады, но «в них не было специальных предложений для иностранцев». Кюн обрушивался с критикой на руководство школ, отмечая, что «специальная помощь для подготовки к школе предлагается частными рабочими группами, и редко – самим школьным руководством»; «целевые дополнительные меры для учеников из семей иммигрантов сегодня редки и часто продвигаются лишь внешкольными инициативами». Поэтому-то в недостаточной степени оказались институализированы и такие меры, как дополнительные уроки для детей иммигрантов с языковыми и общими школьными проблемами, а также помощь им в выполнении домашних заданий [Ibid. S. 26].

Понимая необходимость более интенсивной подготовки к школе еще в дошкольном возрасте, глава Федерального ведомства по делам иностранцев поднимал даже вопрос о «необходимости изучить возможность» введения для детей иммигрантов обязательного дошкольного обучения.

Обращаясь к «ситуации с иностранными детьми и молодежью» в школе, Кюн указывал, что она тоже «характеризуется недостаточной посещаемостью детьми иммигрантов, экстремально низкой их успеваемостью даже в хауптшULE (т.е. в тупиковой “народной школе”, готовившей своих 15-летних выпускников к обучению в системе профессионально-технического образования. – М.Ф.) и значительным неучастием детей иммигрантов в системе дальнейшего обучения» [Ibid. S. 23]: 25% детей иммигрантов школьного возраста вообще не посещали школу или делали это нерегулярно, в районах с большим количеством «пришлых» в начальных классах обучалось лишь 50% детей иностранцев.

В меморандуме отмечалось некоторое улучшение ситуации со школьным обучением иностранцев в последние годы. Но хотя общеобразовательные школы посещало около 400 тыс. из полумиллиона детей иммигрантов школьного возраста, школьное обучение для них ограничивалось преимущественно начальной школой и хауптшULE. До конца школьного обучения, получая аттестат, дотягивало менее половины детей иммигрантов. Особую обеспокоенность здесь опять-таки вызывали дети из турецких семей, которые, как утверждал Кюн, «уже сейчас – и эта тенденция растет – составляют свыше 40% от всех иностранных детей, обучающихся в немецких школах» [Ibid. S. 24]. В реальных школах и гимназиях ФРГ число учеников из иммигрантских семей даже отдаленно несопоставимо с числом детей из немецких семей: по данным статистики, «здесь картина выглядит следующим образом: больше всего иностранных учеников в таких школах из числа югославов, а меньше всего – из числа турок» [Ibid.].

Важно подчеркнуть, что глава Федерального ведомства по делам иностранцев избегал в своем меморандуме нападок на детей из турецких и арабских се-

мей, как это будет делать три десятилетия спустя другой известный немецкий политик – член президиума Бундесбанка социал-демократ Тило Саррацин в своей скандальной книге в августе 2010 г. «Германия: самоликвидация» [6]. В отличие от Саррацина Хайнц Кюн усматривал корень проблемы не столько в иммигрантах, сколько в самой системе школьного образования ФРГ.

Препятствия со стороны родителей-иностранцев, не осознающих «роли школы для будущего своих детей» и, соответственно, не объясняющих это детям, конечно, существовали, писал автор меморандума. Но даже ориентированные на образование родители часто не понимают немецкой школьной системы и школьных проблем своих детей [2. S. 24–25]. Причины сложившейся ситуации виделась Кюну прежде всего в нехватке квалифицированных педагогов, умеющих работать с детьми иностранцев, а также в дефиците качественных образовательных программ, нацеленных на интеграцию детей иммигрантов.

В свою очередь, эти недостатки Кюн связывал с тем, что существовавшая в ФРГ децентрализация исключительной компетенции в сфере культуры привела к развитию в стране разнообразных форм обучения. Постоянно действующий Совет министерств культуры всех федеральных земель предпринял попытку разработать единый концепт обучения детей иммигрантов, но особо положительных результатов достигнуто не было. Школьники из семей иностранцев посещали либо исключительно свои «национальные» классы, «в малой степени способствующие интеграции», либо смешанные по национальному составу «обычные классы» (Regelklassen), которые, будучи нацелены на «комплексное совместное воспитание» детей, предусматривали и факультативный урок родного языка [Ibid. S. 25–26].

Хайнц Кюн поддержал мнение той части педагогов, которая считала, что «перспективное интегративное воспитание возможно только в «обычных классах», в то время как разные формы обособленных национальных занятий способствуют дошкольной и внешкольной изоляции детей иммигрантов. Поэтому-то он поддержал предложение сделать подготовительные курсы-классы для поступления иммигрантов в «обычный класс» средней школы более интенсивными и квалифицированными, ограничив их при этом одним, максимум двумя годами обучения [Ibid. S. 28].

Два месяца спустя, развивая ключевые моменты своего меморандума, Кюн ещё более решительно выступил против каких-либо «национальных классов» в школах. «Я не хочу никаких исламских школ, в которых бы преподавалась идеология Хомейни», – заявил он. «Мы не хотим кого-либо привязать к себе, принуждая кого-либо к германизации. Но национальные классы являются частью гетто! Подготовительные классы для детей-иностранцев, которые на практике часто становятся “национальными школами” на весь период обучения, должны быть ограничены одним годом и обязаны находиться в исключительной юрисдикции администрации немецкой школы [7].

Глава Федерального ведомства по делам иностранцев неоднократно возвращался к мысли о том, что «детям иммигрантов нужно предоставить безоговорочный доступ к немецкой системе образования и с помощью дополнительных мер способствовать тому, чтобы они получили такие же шансы на образование, как и немецкие ученики» [2. S. 27]. В разных выражениях он не раз также говорил и о том, что важную роль в обучении и интеграции детей иммигрантов призван сыграть квалифицированный преподавательский состав школ, что в школах с большим количеством детей иностранцев немецкие учителя должны пройти специальные курсы педагогики, направленные на обучение работе с детьми иммигрантов, что учебные планы и учебные пособия школ должны быть скорректированы с учётом мультинационального состава классов.

Признавая, что некоторые федеральные земли уже стали предлагать для соискателей на должность учителя курсы по методике обучения детей иммигрантов, Кюн сетовал, что в целом наблюдался значительный дефицит подобных курсов и как следствие – дефицит учителей, способных работать с детьми иммигрантов. Опираясь на статистику, он констатировал, что «все еще остается большая потребность в учителях, умеющих работать с иностранными учениками». Кроме того, «нужно добиваться снижения пропорции “ученик / учитель”». Потребность в снижении наполняемости классов видна, прежде всего, в сфере дополнительных занятий с иностранными учениками, где требуются небольшие группы: только для организации таких занятий в масштабах всей страны “необходимо дополнительно нанять минимум 5 тыс. учителей”. Но если нынешние нормативы наполняемости классов останутся в силе, то и «обычные классы» окажутся переполнены в ближайшем будущем» [Ibid. S. 30].

Комиссар Федерального ведомства по делам иностранцев не сомневался, что требуется максимально тесный контакт «немецкий учитель – иностранный ученик». Только таким образом можно помочь ученику из иммигрантской среды достичь хороших результатов в учёбе и успешной интеграции в германское общество в будущем. Но одного практически индивидуального подхода к обучению детей мигрантов недостаточно. Для успеха дела «школьную политику следует без ограничений направить на длительную интеграцию детей иммигрантов. Прежняя “двойная стратегия” одновременного соответствия образовательным целям страны исхода и страны пребывания должна быть отменена, поскольку она нереальна для выполнения и не соответствует реальным перспективам самих учеников. Если дети иммигрантов не собираются возвращаться на родину (а этого следует ожидать), преимущество следует отдавать их оптимальной подготовке к жизни в ФРГ» [Ibid. S. 26].

В своём меморандуме Кюн также писал: «Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы родители детей-немцев, как это часто бывает, забирали своих детей из смешанных классов из боязни низкого в них уровня успеваемости». Кроме того, «при недопустимо высоком уровне числа детей иммигрантов в некоторых

школах было бы целесообразно распределять их по разным школам района или за его пределами» [2. S. 28]. Так была высказана своего рода идея перевозки школьников для обучения из одного района города в другой в целях создания более однородного в национальном отношении школьного контингента – идея, практиковавшаяся, например, в США с конца 1960-х гг. в целях борьбы с сегрегацией негритянского населения.

В качестве средств интеграции ребенка-иностранца в немецкую систему образования Кюн рассматривал и внешкольные (инициированные, прежде всего «частником», т.е. общественностью) дополнительные мероприятия, такие как помощь школьнику из иммигрантской среды в выполнении его домашнего задания, дополнительные уроки, интегративные и обучающие развлечения. Он считал, что подобные мероприятия должны стать более интенсивными и объёмными как в финансовом, так и в просветительском, агитационном плане. В частности, «необходимо шире привлекать родителей-немцев и учеников в качестве помощников в деле интеграции» иммигрантов и предлагал в качестве возможного примера такой помощи шефство немецкого ученика над своим одноклассником из семьи мигранта [Ibid. S. 32].

Сконцентрировав внимание на необходимости интеграции ребёнка-иммигранта, Кюн вместе с тем не исключал его права на сохранение своей национальной идентичности – права, обеспечиваемого, как говорилось в меморандуме, только в том случае, если вместо продвижения устаревшего и нереального «бикультурализма» будет сохраняться «способность (ребёнка) к коммуникации» с семьёй и с нацией происхождения [Ibid. S. 27].

Поэтому глава Федерального ведомства по делам иностранцев вновь обращался к рассмотрению вопроса о преподавании в немецких школах родного для детей иммигрантов языка: «В связи с первостепенным значением интеграционных целей и преимуществом смешанных классов было бы, несомненно, оптимальным, если бы родной язык был введён в учебный план как первый или второй иностранный язык и его могли бы выбирать и немецкие ученики». Но поскольку почему-то, по его мнению, «такой возможности нет, остаются дополнительные занятия (по родному языку), проводимые после обычных уроков», хотя они и приносят дополнительные проблемы. Кюн полагал, что «достаточно было бы одного дополнительного урока в два дня» [Ibid. S. 30], ведь необходимые для детей иммигрантов школьные занятия должны быть по возможности организованы таким образом, чтобы они не шли вразрез с регулярными (обязательными) занятиями. Для уменьшения нагрузки на учеников и их родителей в эти дни следует также организовывать в школах «продленку» с питанием и присмотром за детьми.

В качестве преподавателей родного для иностранных учеников языка, считал Кюн, предпочтительны уже работающие в этой сфере иностранцы, а также немецкие учителя при условии, что они достаточно владеют данным языком. Но все эти дополнительные занятия должны тщательно контролироваться: «Опыт

прошлых лет и актуальные примеры показывают, что занятия без “присмотра” могут привести к серьёзным последствиям» [2. S. 31]. Такими «серьёзными последствиями» провозглашались «идеологические индоктринации», под которыми подразумевался прежде всего исламский фундаментализм. И чтобы избежать подобных последствий в будущем, глава Федерального ведомства по делам иностранцев предлагал «расширить полномочия немецкого ведомства по делам школы, распространив их и на уроки родного для иностранных учеников языка» [Ibid.]. Фактически он призывал отказаться от распространённой практики проведения уроков родного языка для школьников-иммигрантов представительствами иностранных государств в ФРГ. (Хотя сами эти уроки организовывались при финансовом участии немецких служб, немецкими школьными советами они контролировались редко и обычно проводились учителями, прибывающими из соответствующей страны.) Кюн был убеждён, что подобные уроки следует без всяких ограничений передать под ответственность и надзор школьной администрации [Ibid. S. 27].

В связи со ставшим уже заметным увлечением части иммигрантов-мусульман идеями «исламского фундаментализма» Кюн не мог обойти молчанием и проблему религиозного образования в школе: «Наряду с вопросом об уроке родного языка требуется разобраться и с вопросом об уроках изучения религии, особенно для большой группы мусульманских детей. Во избежание проблематичных попыток самопомощи (например, организации “школ по изучению Корана”) необходимо проводить религиозное обучение иностранных учеников в такой же форме, как и для немецких учащихся. Содержание такого курса должно согласовываться с компетентными религиозными авторитетами» [Ibid. S. 32].

Пока же интеграционный эффект школьного обучения детей иммигрантов оставался невысоким, что естественным образом отражалось на судьбе иммигранта в его трудоспособном возрасте.

Даже тот, кто окончил хауптшULE, не имеет шансов на рабочем рынке, потому что «сегодня требуется всё больше квалифицированной рабочей силы» [Ibid. S. 24]. Квалификацию в ФРГ традиционно можно было получить в учебных заведениях, аналогичных советским ПТУ. Но их в 1977/78 учебном году посещала лишь примерно половина иммигрантской молодёжи в возрасте 15–18 лет. Как следствие, большая часть молодых людей из иммигрантской среды не имела шансов на получение квалифицированной работы с перспективой роста. Четверо из пяти юношей и девушек из семей иммигрантов начинали свою трудовую деятельность с неквалифицированной работы или работы, требующей средней квалификации. Кроме того, это была, как правило, работа в тех сферах, в которых традиционно заняты были одни иммигранты [Ibid. S. 33]. Ссылаясь на данные правительства, Кюн указывал на то, что проблема с занятостью данной части молодёжи способна только усугубиться в будущем: если в начале 1979 г. число молодых людей из иммигрантской среды в возрасте 15–18 лет составляло

120 тыс. человек, то к 1990 г., по прогнозам правительства, это число должно было удвоиться.

Хайнц Кюн отмечал и высокий уровень безработицы среди иммигрантской молодёжи, особое внимание обращая на такую её проблемную группу, каковой являлись молодые люди, уже во взрослом возрасте въехавшие в ФРГ, а поэтому «выпавшие» из сферы школьного обучения. Особенно велика была эта группа среди турецкой молодёжи [2. S. 33–34].

Подготовительное профессиональное обучение, организованное федеральным ведомством по труду, и языковые курсы общественной организации «Немецкий язык для иностранных наёмных работников» не в состоянии были изменить ситуацию, поскольку охватывали менее 5 тыс. молодых людей, в то время как число желающих пройти обучение по данным программам с дальнейшим трудоустройством было во много раз больше [Ibid. S. 34]. Кюн считал шансы даже на кратковременное улучшение ситуации маловероятными: «Можно надеяться, что благодаря долгосрочным школьным мерам количество выпускников, готовых к получению профессии, возрастет, но профессиональная квалификация иностранной молодёжи во взрослом возрасте без достаточного школьного образования представляет серьёзную трудность. От учреждений, предоставляющих профессиональное образование, нельзя ожидать, что они ликвидируют разрыв между школьным и профессиональным образованием настолько, что можно будет при любых обстоятельствах начать обучаться профессии. Для “переходного периода” необходимы некоторые решения» [Ibid. S. 31].

Глава Федерального ведомства по делам иностранцев считал, что в интересах иммигрантской молодёжи, не имеющей школьного аттестата, требуется в первую очередь ускорить выработку мер по её обучению и немецкому языку, и профессии. С этой целью предлагалось объединить вышеупомянутые подготовительные курсы федерального ведомства по труду с языковыми курсами, структурировав их заново так, чтобы упор делался больше на профессиональную подготовку, и увеличив количество мест по данным учебным программам, поскольку предложения сильно отстают от практических потребностей [Ibid. S. 35]. Кюн предлагал также отменить законодательное положение, при котором иммигранты, прожившие в Германии менее 5 лет, получали разрешение на работу лишь в том случае, если на это рабочее место или место обучения не претендовал немецкий соискатель: «От этого условия нужно отказаться потому, что оно ущемляет исключительно ту молодёжь, что имеет шансы на успех, и не в последнюю очередь снижает мотивацию у тех, кто хочет участвовать в программах повышения квалификации»; «было бы справедливо предоставлять молодым людям с законченным школьным образованием или со свидетельством, подтверждающим квалификацию, право на работу безо всяких ограничений» [Ibid.].

Завершая раздел о роли профессионального образования в интеграционном процессе, Кюн писал, что в перспективе нужно стремиться к полному включению

иммигрантской молодёжи в производственное обучение. По его мнению, в этой области существовали те же самые проблемы, что и в школьном образовании в целом, поэтому недостаток знаний и навыков, который испытывают молодые люди из иммигрантских семей после окончания школы, требуется устранять «сопроводительными подготовительными мерами», а затем дополнительными занятиями в системе профобразования. Для этого полезно использовать имеющийся опыт работы с немецкой молодёжью из социально неблагополучных семей, а также подключить к данной работе частных и государственных работодателей и профсоюзы, чтобы они тоже взяли на себя ответственность за решение вышеуказанных проблем [2. S. 36–37]. В противном случае «без серьёзного улучшения ситуации большинство детей иммигрантов, проживающих в ФРГ, станет в будущем париями» [Ibid. S. 24].

Подводя итог, следует сказать: меморандум Кюна не был первым призывом к интеграции иностранцев в ФРГ, но он стал самым содержательным официальным документом конца 1970-х гг. по данной проблеме. Необычный для своего времени, он отстаивал фактически переход от моноэтнического общества, практикующего сегрегацию иностранцев под прикрытием лозунга сохранения этномногобразия, к многоэтническому обществу, в котором сегрегацию заменит ассимиляция, осуществляемая с помощью процесса натурализации, образовательной политики и других средств социальной интеграции иностранцев в немецкое общество.

Отметив противоречия миграционной политики западногерманских властей, которые, с одной стороны, вели к сегрегации иностранцев, а с другой – требовали от них интеграции/ассимиляции, глава Федерального ведомства по делам иностранцев впервые на самом высоком уровне высказал аргументы в пользу фундаментального изменения миграционной политики ФРГ в таких областях, как натурализация, гражданство, национальная идентичность.

Последовавшие в том же 1979 г. возражения против многих предложений меморандума Кюна оказались, однако, такими, что могло показаться, будто «моделями для антитурецких стереотипов 1970-х гг. стали антисемитские стереотипы 1930-х гг.». В связи с этим, выступая в Штутгарте на конференции Национальной комиссии по проведению международного года ребенка через два месяца после публикации своего меморандума, Кюн вынужден был говорить о появлении не только «двухуровневого общества», в котором рабочие места «высокого качества» зарезервированы для немецких рабочих, а «низкого качества, грязные» – для иностранцев, но и о рождении нового немецкого «расового высокомерия» [7].

Несмотря на то что многие церкви и благотворительные организации выразили одобрение меморандума главы Федерального ведомства по делам иностранцев, его предложения не нашли реальной поддержки ни в обществе в целом, ни в федеральном правительстве: «В те годы ни политики, ни известные общественные деятели не восприняли меморандум

Кюна всерьёз» [8. Р. 2]. Среди причин этого, на наш взгляд, две основные: во-первых, огромная по тем временам стоимость реализации предложений Кюна. Сам он указывал, что для реализации его программы интеграции иностранцев требуется около 600 млн немецких марок ежегодно [2. С. 58]; во-вторых, немецкое правительство и общество в целом все ещё придерживались мнения, что иностранные рабочие – это гастарбайтеры (дословно: гости-рабочие), которых рано или поздно попросят вернуться к себе на родину. Исходя из этого, никто не хотел вкладывать огромную сумму в интеграцию тех, кто не считался потенциальными согражданами.

Сегодня же, спустя десятилетия с момента публикации «Меморандума Кюна», многие политики, эксперты и разного рода общественные деятели буквально дословно повторяют предложения Кюна, даже не отдавая в этом отчёта. Ежегодно в сентябре в немецких средствах массовой информации появляются статьи, посвященные очередной годовщине публикации данного доклада; на эту тему устраиваются научные

конференции и круглые столы. Как говорилось по случаю 25-летия «Меморандума Кюна» в ежегоднике «Форум по делам иммиграции», эта работа «упоминается снова и снова, особенно в профессиональных кругах» [9]. И это не случайно: проблема интеграции иммигрантов сегодня стоит в ФРГ не менее остро, нежели в далёком 1979 г.

Печальная история длительного игнорирования одной из острейших внутривластных проблем ФРГ – проблемы интеграции иммигрантов – может стать уроком и для нас, россиян. Число мигрантов в ФРГ и РФ, по официальным данным, примерно равно, но на деле количество долговременно живущих в современной России граждан других государств, скорее всего, намного больше, чем в Германии. И эти люди точно так же, как и иммигранты ФРГ, нуждаются в целенаправленной политике по их интеграции в принимающее общество. Решение данной проблемы возможно только путем, аналогичным тем, что в своё время были предложены первым комиссаром западногерманского Федерального ведомства по делам иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погорельская С.В. Турецкая община в ФРГ: между интеграцией и исламом // Актуальные проблемы Европы. Диаспоры в Европе: Новая роль в обществе / ИНИОН РАН. М., 2009. № 4.
2. Kühn, Heinz. Stand und Weiterentwicklung der Integration der ausländischen Arbeitnehmer und ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland. URL: http://www.migration-online.de/data/khnmemorandum_1.pdf
3. Dahnen J., Kozłowiec W. Ausländische Arbeitnehmer in der Bundesrepublik. Stuttgart, 1963.
4. Al-Shahi A., Lawless R. Middle East and North African Immigrants in Europe. N.Y., 2005.
5. Ray C. Rist. Guestworkers in Germany: The Prospect for Pluralism. N.Y., 1978.
6. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2012.
7. Roitsch J., Kühn warnt Deutsche vor einem neuen rassistischen Hochmut // Frankfurter Rundschau. 17.12.1979. URL: http://germanhistorydocs.ghi-de.org/sub_document.cfm?document_id=853
8. Tosuner H. Policies of anti-discrimination and integration in Germany. The German Government Commissioner for Migration, Refugees and Integration. European University Viadrina. URL: http://www.ces.uc.pt/projectos/tolerance/media/WP2/WorkingPapers%202_Germany.pdf
9. 25 Jahre Kühn-Memorandum: Kein Grund zum Feiern. Forum Migration, September 2004. URL: http://www.migration-online.de/data/publikationen_datei_1093166729.pdf

Статья представлена научной редакцией «История» 10 октября 2016 г.

“THE KÜHN MEMORANDUM” ON EDUCATION AS THE MOST IMPORTANT MEANS OF INTEGRATION OF FOREIGNERS AND THEIR FAMILIES INTO GERMAN SOCIETY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 143–149.

DOI: 10.17223/15617793/412/23

Mikhail G. Freze, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: rus-de-zentrum@rambler.ru

Keywords: “The Kühn Memorandum”; immigration; Germany; Turks; education; integration.

The article aims to analyze the memorandum on the “situation and further development of the integration of immigrant workers and their families in the Federal Republic of Germany”, issued by Heinz Kühn, the first commissioner of the newly established German Federal Office for Foreigners, in 1979. The article contains a detailed analysis of the points of the memorandum relating to the field of education. Kühn’s vision of the problems in education, preventing the integration of immigrants and his suggestions for improvement of the educational process in order to achieve successful integration of immigrant children are presented in this article. The 1950s – the beginning of the 1970s was the period of mass labor immigration to Germany. Then West Germany opened its doors for labor migrants from Italy, Portugal, Greece, Yugoslavia and later Turkey. One of those who first recognized the need for the integration of foreigners, who the country with a very low rate of the indigenous population growth could not virtually do without, was a member of the SPD Heinz Kühn (1912–1992). The Prime Minister of North Rhine-Westphalia in 1966–1978, in November 1978 he headed the Federal Office for Foreigners, and in September 1979 he released his almost seventy-page report on the “situation and further development of the integration of immigrant workers and their families in the Federal Republic of Germany”, better known as The Kühn Memorandum. Heinz Kühn proceeded from the fact that mass immigration was an inevitable process for Germany. At the same time, he drew attention to the negative consequences of the massive influx of immigrants, suggesting a number of practical measures to ease and prevent these negative consequences in the future. At the beginning of his memorandum, Kühn pointed out the following priorities to focus on in order to conduct a coherent policy on the integration of foreigners into the German society: 1) to recognize the de facto immigration; 2) to significantly intensify integration measures, especially for juveniles in pre-school, school and vocational education; 3) to cease segregation in education; 4) to recognize the right of foreign youth to unhindered access to jobs and places in educational institutions; 5) to recognize the right of naturalization for those foreigners who were born and raised in Germany; 6) to review immigration laws and the process of naturalization; 7) to grant foreigners living in Germany for a long time

political rights, for example, to vote in regional elections. Unfortunately, despite the approval of the memorandum from public and charitable organizations, Kühn's proposals did not find any real support either in society or in the federal government. Among the reasons for this, in the author's opinion, were two main ones: firstly, a huge cost of implementing of Kühn's proposals (about 600 million DM annually). Secondly, the German government and society as a whole held the opinion that foreign workers were *gas-tarbeiters* (literally: guest-workers), who sooner or later would be asked to return to their homeland.

REFERENCES

1. Pogorel'skaya, S.V. (2009) Turetskaya obshchina v FRG: mezhdru integratsiey i islamom [The Turkish community in Germany: between integration and Islam]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 4.
2. Kühn, H. (1979) *Stand und Weiterentwicklung der Integration der ausländischen Arbeitnehmer und ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland* [Situation and development of the integration of foreign workers and their families in the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: http://www.migration-online.de/data/khnmemorandum_1.pdf
3. Dahlen, J. & Kozlowicz, W. (1963) *Ausländische Arbeitnehmer in der Bundesrepublik* [Foreign workers in the Federal Republic]. Stuttgart: Kohlhammer.
4. Al-Shahi, A. & Lawless, R. (eds) (2005) *Middle East and North African Immigrants in Europe*. New York: Routledge.
5. Rist, R.C. (1978) *Guestworkers in Germany: The Prospect for Pluralism*. New York: Praeger.
6. Sarrazin, T. (2012) *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany: self-destruction]. Translated from German by T. Nabatnikova. Moscow: Rid Grupp.
7. Roitsch, J. (1979) Kühn warnt Deutsche vor einem neuen rassischen Hochmut [Kühn warns Germans of a new racial pride]. *Frankfurter Rundschau*. 17 December. [Online] Available from: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=853.
8. Tosuner, H. (c. 2010) *Policies of anti-discrimination and integration in Germany. The German Government Commissioner for Migration, Refugees and Integration*. [Online] Available from: <http://www.ces.uc.pt/projectos/tolerance/media/WP2/WorkingPapers%20Germany.pdf>.
9. Migration-online.de. (2004) 25 Jahre Kühn-Memorandum: Kein Grund zum Feiern [25 years of the Kühn Memorandum: No reason to celebrate]. *Forum Migration*. September. [Online] Available from: http://www.migration-online.de/data/publikationen_datei_1093166729.pdf.

Received: 10 October 2016